

Петр Алексеевич Ширяев

Цикута

Петр Алексеевич Ширяев

Цикута

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22120961

Аннотация

«... Вениамин Аполлонович Гудим встал и протянул юноше руку. В глухом его голосе будто открылась фортка, и стало приветливым суровое лицо. – Ну, здравствуйте, товарищ! Присаживайтесь! От кого у вас ко мне явка? Юноша горячо пожал протянутую руку и ужасно заторопился, когда начал рассказывать. – Вы – товарищ Макс? Я из Нижнего. Я – Николай. Я приехал, я... Вы знаете, что Михаил Семенович арестован. Арестована Фаня, Леонид, Василий Васильевич, вся наша организация провалилась...»

Содержание

I	4
II	10
III	13
IV	19
V	25
VI	33
VII	39
VIII	42
IX	47
X	52
XI	55
XII	59

Петр Алексеевич Ширяев

Цикута

I

Прежде чем позвонить, рыжеволосый юноша еще раз перечитал надпись на медной, начищенной ярко пластинке:

Присяжный поверенный

Вениамин Аполлонович

ГУДИМ

Лестница была устлана ковром. Темные двери квартир, с медными дощечками, солидно разместились по просторным площадкам; внизу – купол узорного лифта, похожего на часовню. Юноша приложил ухо к замочной скважине, прислушался и, решительно высморкавшись, нажал пуговку звонка. Все последующее произошло ужасно быстро. Большая столовая с массивной мебелью и тишиной, по которой важно

расхаживал маятник больших часов, обняла юношу.

– Как доложить Вениамину Аполлоновичу?

– Скажите я... Я – по делу!.. Я сам скажу, я только что приехал, скажите...

Рыжеволосый посетитель облегченно вздохнул, когда белый фартучек горничной исчез, оставив после себя пряный запах гелиотропа. Хлопнувшая где-то дверь глотнула четкие каблучки, и в тишине столовой выпятился на глаза пузатый буфет с многочисленными дверцами, колонками и резьбой, похожий на средневековый замок.

Юноша подозрительно осмотрелся, заглянул в одно окно, в другое и что-то пощупал в боковом кармане пиджака.

В кабинете – глухой голос пригласил садиться. Из-за письменного стола навстречу юноше двинулись два медленных свинцовых глаза, казавшиеся очень большими на костлявом лице.

Оглянувшись на дверь, юноша шагнул к письменному столу и быстро проговорил:

– Я от Михаила! У Николая Петровича родился сын...

– Кто крестный? – спросил человек за письменным столом.

– Вячеслав.

Вениамин Аполлонович Гудим встал и протянул юноше руку. В глухом его голосе будто открылась фортка, и стало приветливым суровое лицо.

– Ну, здравствуйте, товарищ! Присаживайтесь! От кого у

вас ко мне явка?

Юноша горячо пожал протянутую руку и ужасно заторопился, когда начал рассказывать.

– Вы – товарищ Макс? Я из Нижнего. Я – Николай. Я приехал, я... Вы знаете, что Михаил Семенович арестован. Арестована Фаня, Леонид, Василий Васильевич, вся наша организация провалилась...

Вениамин Аполлонович протянул к нему дрогнувшую руку, будто пытался остановить эту торопливую речь, и так, с протянутой рукой, снова опустился в кресло.

– Да, да!.. И Фаня, и Леонид. Я один из всей организации уцелел. По-олный разгром! – взволнованно продолжал юноша, повторяя сказанное. – Аресты начались в субботу, первого арестовали Михаила Семеновича... От всей организации остался только шрифт, он сейчас у моей сестры. Я да шрифт.

Вениамин Аполлонович молчал, сторбленный, уйдя глубоко в кресло с высокой спинкой. Ни одним словом не прервал он рассказа Николая. И когда Николай кончил – он, казалось, все еще напряженно слушал отзвучавшие слова.

– А... как же уцелели вы? – спросил он, наконец, нарушая молчание, казавшееся бесконечно долгим.

Медленные глаза его поднялись к Николаю, к изрытому оспинками лицу с большим жабым ртом.

– Я... случайно не ночевал дома. Сестра предупредила меня о засаде. Если бы не она... У нее как раз и шрифт.

Николай проговорил это смущенно, словно чувствуя себя виноватым в том, что он один из всех уцелел.

У Вениамина Аполлоновича под нижней губой был кустик светлых волос. Он закрутил их в запятую и встал. Ковер заглушал шаги. Николай сидел у стола. Когда Вениамин Аполлонович повертывался к нему спиной, он быстро вскидывал на него глаза и провожал его наблюдающим взглядом через весь кабинет, до поворота, и так же быстро опускал глаза, лишь только Вениамин Аполлонович повертывался лицом к нему.

Опустив голову и вздернув костистые плечи, Вениамин Аполлонович долго и молча шагал по кабинету.

Николай тихо проговорил:

– Я хочу немедленно работать...

Вениамин Аполлонович кашлянул и продолжал ходить; заговорил, не поднимая головы:

– В Нижний вам, конечно, ехать нельзя, схватят. Придется послать за шрифтом кого-нибудь другого. Шрифт нам нужен. Кого-нибудь другого, да, да! Людей у нас мало, очень мало, очень... А вам мы дадим работу, работа есть, много работы!.. Неужели же Михаил арестован?! – круто встал он перед Николаем. – Это же, это... не-ве-ро-ят-но! И Фаня? И Леонид?! Вы давно в организации? С девятьсот пятого?

Вениамин Аполлонович вдруг, быстро, нагнулся к Николаю.

– А ведь не-хо-ро-шо?! – дыша в лицо Николаю, прошеп-

тал он. И шепот его был острый, колющий и страстный.

– Что?

– Не-хо-ро-шо! – еще тише, еще острее повторил Вениамин Аполлонович. Костлявое лицо с двумя огромными серыми глазами придвинулось так близко, что Николай съежился, и у него было ощущение – будто серый автомобиль с разбегу повесил над его жизнью два своих фонаря... И, глядя в них снизу, он испуганно прохрипел:

– Что нехорошо?

Вениамин Аполлонович взмахнул рукой, схватывая воздух, распустил пальцы, посмотрел на ладонь и, выпрямившись, заговорил зло:

– Конспирации, вот чего не хватает вам, молодежи! А конспирация – вещь очень простая, чрезвычайно простая! Надо только забыть, что вы – Николай. Надо ежесекундно помнить одно: меня, как такового – нет, не существует! Николая нет! Есть организация. Поняли? Вы и каждый ваш шаг связаны с сложным и дорогим механизмом, портящимся от одного неверного движения... Вы – частичка целого. Вы – организация. И тогда конспирация становится для вас такой же естественной и простой вещью, как, например, еда, когда вы несете ложку в рот, а не в нос или в глаз... Я вдвое старше вас. Я старый работник. Но я не существую, как личность. Меня нет. Есть организация, партия, дело... Мы отвечаем перед народом...

Вениамин Аполлонович подошел к столу и, закурив, жад-

но затянулся. Потом протянул портсигар Николаю.

– Я не курю.

Когда Николай уходил, снабженный адресом неизвестной ему "товарища Наташи", где он должен получить дальнейшие указания и работу, Вениамин Аполлонович задержал его на дороге.

– Забудьте, что существует Вениамин Аполлонович Гудим, – проговорил он, растягивая выразительно слова. – Такого нет, и вы не знаете такого. Есть – товарищ Макс. Никогда вы у меня на квартире не были. Поняли? Идите! Скажите товарищу Наташе, что сегодня, в семь, я жду ее.

II

Буйный, пестрый букет цветов озарял большую комнату свежестью красок, и от них в комнате казалось рассветней и больше воздуху. Невольно вспоминалось поле, где так много неба. И, может быть, от этого печаль на красивом лице Наташи проступала ярче и запоминалась. Она сидела у окна, сцепив на колене голые, обвеянные загаром руки. Николай только что кончил печальный рассказ о разгроме нижегородской организации. Он в первый раз видел Наташу. Наташа впервые видела его.

– Когда вы приехали? – мягко, будто по бархату прошла словами, спросила Наташа.

– Сегодня утром. Я с вокзала прямо к товарищу Макс.

– Макс, конечно, читал вам поучения, а чаю не предложил, – с улыбкой встала Наташа. – Он у нас такой... Понравился он вам?

Такая же тихая и мягкая в движениях, как и в словах, она неторопливо накрыла стол, принесла самовар, колбасу, сыр и, усевшись против Николая, строго следила за тем, чтобы он ел и сыр, и колбасу, и ватрушки.

– Ешьте и не возражайте! Люблю, когда едят с аппетитом. Простите, я не дослушала, что вы сказали о Максе?

– У него очень большие глаза. Такие... кажется, одни глаза, а ничего другого нет!

Наташа серьезно сказала:

– У него большое сердце... Вот поработаете у нас – убедитесь. Сколько вам лет?

– Двадцать один... То есть, почти двадцать один, – смутившись, поправился Николай и, помолчав, неожиданно добавил: – В ноябре сравняется двадцать...

– У вас в Нижнем есть родственники?

– Сестра Лиза.

– Это у нее лежит шриффт? Она беспартийная?

Наташа задумалась. Николай исподлобья наблюдал за ней. На одном из пальцев правой руки она носила кольцо. Николай посмотрел на кольцо и спросил:

– Вы та самая Наташа... Ваш муж осужден по делу киевской организации?

Наташа тихо кивнула головой.

– А вы откуда знаете? Вам говорил Макс?

– Нет, Михаил Семенович рассказывал...

Наташа не спросила, когда и что рассказывал Михаил Семенович Николаю; обвела пальцем узор скатерти, и, подавив вздох, выпрямилась.

– Я вас, товарищ, пока направлю в Кусково на дачу. Там поживете для дезинфекции, оглядитесь. Потом и на работу. Паспорт у вас есть?

– Да.

– Надежный?

– Настоящий.

– А деньги?

– Тоже есть.

– Сколько? А ну... показывайте вашу кассу! Рубль десять копеек?! И это все?! – рассмеялась Наташа, заглянув в кошелек. – Да вы комик!

Она достала из стола пятнадцать рублей и всунула их в кошелек Николая.

– Теперь вы нелегальный, не рассуждайте!.. Кстати, возьмите цветочков, подарите их от меня Оле. Хозяйку дачи зовут Ольга Александровна, запомните. Там очень хорошо, отдохнете и успокоитесь, а работы у нас хватит...

Проводив Николая, Наташа подошла к раскрытому окну и, выждав, когда он выйдет из подъезда, долго наблюдала за ним. Выйдя из подъезда, Николай посмотрел на номер дома, где жила Наташа, и, словно запоминая что, осмотрелся по сторонам. Потом торопливо зашагал по улице и, раза два оглянувшись, скрылся за углом. Извозчик, стоявший на другой стороне улицы, трусцой поехал по тому же направлению.

III

Наташа, а с нею и весь комитет, были уверены в благополучном исходе поездки за шрифтом. Было решено послать Сергея, а Сергей был старым, опытным волком в таких делах. По внешности Сергей напоминал скорее молодца из Охотного ряда, чем революционера-подпольщика. Длинный пиджак и сапоги бутылкой дополняли сходство. Самому Сергею поездка казалась пустяком, и в ответ на наставления Вениамина Аполлоновича о конспирации он так уморительно поклонился стриженной в скобку головой и так по-охотнорядски почтительно снял и развел суконным засаленным картузом, что все расхохотались. Даже нервный и вспыльчивый Адольф.

– Не извольте сомневаться, барин, рыбец-с первый сорт-с! Покорнейше благодарим-с, милости просим в другой раз!

По дороге в Нижний Сергей усердно наливался чаем из захваченного с собой чайника, ел колбасу, крупно нарезанную перочинным ножом, крестился и икал... С предупредительностью лавочника помогал соседям размещать по полкам багаж и при каждом случае извинялся:

– Виноват-с, что вы изволили сказать? Никак-с нет!

На вокзале в Нижнем Сергей долго и навязчиво расспрашивал у жандарма, как ему пройти на Больничную улицу; потом толкался по вокзалу, пил вприкуску чай в буфете тре-

тьего класса и вышел с вокзала только тогда, когда убедился, что за ним не следят.

Сестра Николая жила на окраине города. На звонок Сергея вышла молодая женщина с приветливым лицом.

– Лизавета Семеновна Новожилова здесь квартируют?

– Здесь. Вам что?

– Нам повидать ее...

Молодая женщина посмотрела на рыжий кожаный чемодан в руке Сергея. Сказала немного удивленная:

– Я Елизавета Семеновна.

Сергей улыбнулся и решительно шагнул в калитку.

– Здравствуйте, я – от Коли. Он вам кланяется и просил передать, что жив и благоденствует.

– От Коли?! Боже мой! – радостно всплеснула руками Елизавета Семеновна и заторопилась, пропуская вперед Сергея. – Заходите, заходите, пожалуйста! Я так за него беспокоилась, так боялась! Значит, все благополучно?

В маленьких комнатках было опрятно и пахло яблоками. На одной из стен висел большой портрет Толстого.

– Мы с мужем как проводили его – все время беспокоились! Боялись, что по дороге его арестуют. Слава богу, что все хорошо! Как он там живет, как устроился?

– Великолепно!

Сергей совсем не знал, как живет Николай, и видел его только один раз, в день отъезда, когда получил от него необходимые для поездки сведения.

– Я к вам за багажом, – многозначительно посмотрел он на Елизавету Семеновну, – цел он?

– Шрифт?

– Да.

– Цел, цел, с ним столько было хлопот! Прятали, перепрятывали, у нас в городе обыски без конца.

Сергей до вечера просидел в маленьких чистых комнатах, где так славно пахло яблоками и медом. За чаем он вел бесконечные споры с Елизаветой Семеновной и ее мужем, доказывая несостоятельность толстовского учения "о непротивлении злу". Муж Елизаветы Семеновны с вдумчивым, апостольским лицом мягко возражал. В его мягкости чувствовалась сталь, которую не сломать.

"Какие милые, славные люди", – думал Сергей, сидя на извозчике, с объемистой корзинкой в ногах. К ручке корзины веревочкой был привязан чайник из белой жести.

Жизнь подпольного работника-революционера напоминала всегда Сергею жизнь пчелы, собирающей в полях и садах драгоценную медовую влагу. Незнакомые города, чужие дома и семьи, люди, с которыми часто встречаешься первый и последний раз, были чашечками цветов, в глубине которых теплился огонек сочувствия, огонек одной и той же огромной любви к свободному, прекрасному будущему. И в этих случайных встречах с людьми, доселе неведомыми – поэтому велись речи, очищенные от житейских будней и дрязг, речи о народе, об идеалах, об общем всечеловеческом сча-

сть. И, быть может, поэтому после таких встреч оставалось светлое и радостное чувство на душе, сильнее верилось, а люди, с которыми только что расстался, казались милыми, добрыми, прекрасными. И не пугали опасности этой жизни. Корзинка со шрифтом казалась тем чудодейственным средством, которое спасет и осчастливит, наконец, человечество.

– Хороший город Нижний! – сказал Сергей извозчику, чувствуя потребность что-нибудь сказать.

– Первый город! – с достоинством отозвался извозчик, окая, как истый нижегородец. – Ярмарки такой не сыскать. Из Москвы будете?

– Из Москвы. К сестре приезжал. Сестра у меня тут отдана, – начал врать Сергей, присматриваясь к извозчичьей спине и думая о том, что извозчики часто бывают шпиками. – Сено у вас почему?

– Сена нынешний год дорогие!

"У извозчиков сена и овес всегда дорогие!" – подумал Сергей и, почему-то решив, что извозчик не шпик, успокоился и заговорил об ярмарке.

В вагоне он опять наливался чаем, ел колбасу, вел разговоры с почтенной чуйкой напротив, плевал на пол и растирал плевки сапогами. Подъезжая к Москве, он прошел два раза по вагону. Ничто не внушало подозрений. Все пассажиры казались обыкновенными пассажирами.

"Кажется, все в порядке! – подумал он. – На Курском выйду вместе с этой чуйкой, заведу разговор, так лучше!"

– И куда спешат?! – сказал он чуйке, когда поезд остановился и пассажиры бросились к выходу. – Все выйдем, успеем... Нецивилизованный народ пошел!

– Да уж... – неопределенно согласилась чуйка и втиснулась в кашу, образовавшуюся на площадке.

Тяжелая корзина оттягивала плечо, но Сергей старался держаться прямо, свободно, делая вид, что корзина совсем легкая.

– Один раз, в позапрошлом годе, послал меня, например, хозяин в Царицын, – громко врал он, идя рядом с чуйкой к выходу, – поехал я, извольте видеть, приезжаю, значит, туда...

Широкая рука прочно взяла Сергея сзади под локоть. Он не успел додумать какой-то мысли. Рослый жандарм очутился близко-близко. Слева – человек в штатском протягивал руку к корзине.

Мысль лопнула режущими осколками:

"Вокзал... Толпа... Скроюсь..."

От толчка с жандарма свалился картуз, но цепкие руки осадили Сергея назад, и, казалось, вся толпа, все толкавшиеся на вокзале люди всей своей многопудовой непосильной тяжестью повисли на плечах. Десятки глаз со всех сторон протянулись к Сергею – испуганные, непонимающие, любопытные, но все чужие. И острое сознание одиночества, тоскливое и вместе с тем успокаивающее, как сталь в сердце, вошло в Сергея...

В дежурной жандармской комнате Сергей снял картуз, вытер потный лоб и, глядя на корзину, около которой, развязывая, уже хлопотал торопливо человек в штатском, с искренним сожалением произнес:

– На кой же черт я пер все это сюда?!

– Для нас меньше хлопот! – язвительно отозвался в штатском, поднимая к Сергею лицо от корзины.

Сергей, на всю жизнь запоминая это запрокинутое ноздреватое лицо с тараканьими усами, с отвращением и ненавистью плюнул в него.

IV

Об аресте Сергея первым узнал Адольф. Сергею удалось переслать из участка на волю коротенькую записку:

"Арестован на Курском вокзале по приезде. Провокация несомненна. Сергей".

Прочитав записку, Адольф подошел к зеркалу и, дернув за нос сразу поглупевшее лицо, поклонился:

– С приездом!..

Перечитал еще раз записку. Страшными были последние два слова: "Провокация несомненна".

Торопливо напихав во все карманы с полдюжины газет – без газет Адольф не чувствовал себя Адольфом, – Адольф помчался к Наташе. Когда шел по улице, ему казалось, что он едет в вагоне поезда и назойливые колеса отстукивают одно и то же слово: "Про-во-ка-ция... Про-во-ка-ция... Про-во-ка-ция..." С этим словом в голове и на языке он отчаянно дернул ручку звонка у Наташиной квартиры. Наташа сама открыла дверь. Увидев Адольфа, она замахала обеими руками. У нее было встревоженное, помятое лицо.

– Уходите скорее! Уходите! У меня только что кончился обыск!

Как кегельбанный шар от борта, Адольф задом откатился назад, забыв о цели своего прихода. Два пролета лестницы промелькнули сном.

– Адольф! Адольф! Минутку! – перегнувшись через перила, сверху звала его Наташа.

Адольф опомнился на третьей площадке.

– Сергей арестован! Провокация! – крикнул он снизу Наташе и, не слушая ее умоляющего зова, нахлобучил на нос кепку и выкатился на улицу. Торчавшие из всех карманов газеты делали его круглую фигурку смешной и нелепой, похожей на странную полуощипанную птицу с надломленными крыльями. Промчавшись несколько саженей по тротуару, опрокинув лоток с грушами у разносчика, он круто остановился, подумал и так же стремительно понесся обратно.

Наташа, открыв дверь, поймала его за пиджак и почти силой втащила в коридор.

– Куда вы умчались?! Расскажите скорее, в чем дело? Надо предупредить Макса! Надо собраться немедленно и обсудить. Рассказывайте же скорей! У меня рылись всю ночь, до утра. Ничего не нашли! Адреса я успела уничтожить.

Пугливо озираясь и прислушиваясь, Адольф сунул Наташе записочку Сергея, свернутую в микроскопический шарик. Адольф держал его все время в руках, пока шел по улицам, готовый в любой момент проглотить.

– Читайте скорей! Сергей арестован, провокация, – скороговоркой проговорил он. – Прочли? Проглотите сейчас же!

Адольф вырвал у Наташи записочку, скомкал ее и сунул Наташе ко рту.

– Глотайте!

Наташа не могла удержаться от улыбки.

– Зачем же глотать, когда можно сжечь!..

Адольф вместо ответа быстро сунул шарик в рот и глотнул, выпучив круглые глаза.

– Ну, я пойду! – повернулся он к двери.

Наташа опять поймала его за пиджак.

– Да подождите вы!.. Где соберемся? Надо, необходимо собраться. Завтра, послезавтра? Надо Макса предупредить...

– В субботу, на Якиманке, в семь, – прошипел, как скворода, Адольф и, не слушая Наташи, выскочил в дверь.

Вениамина Аполлоновича дома не было. Адольф оставил ему записку:

"Сережа серьезно болен. Зайдите навестить тетушку. Наталия Андреевна очень расстроена, ей тоже нездоровится".

Под словом "тетушка" подразумевалась конспиративная квартира на Якиманке, где происходили заседания комитета.

В этот день и улицы, и дома, и люди странно переменялись. Городская сутолока с ее экипажами, трамваями, конками, магазинами и пивными, с ее тысяченогим торопливым шмыгом тротуаров, где тысячи незнакомых людей встречаются, расходятся, обгоняют друг друга, спеша каждый по своим делам, со своими мыслями и мыслишками, радостями и печальями, вся эта суета, праздная и не праздная, без которой подпольный революционер, как без воды рыба, не мог жить и дышать, – в этот день была похожа на огром-

ного дикобраза, выпустившего свои колючки на каждом перекрестке, на каждом шагу, в трамваях, с извозчиков, из подъездов каменных, незнакомых Адольфу, громад. Каждый встречный был предателем; предательством дышала каждая улица и каждый камень. И было такое ощущение, что над головой шевелится страшная крыша, готовая каждую минуту обрушиться. Иногда казалось, вот-вот из этой суеты и уличного грохота протянется неведомая рука сзади и... схватит. И невольно Адольф втягивал в плечи голову и ускорял шаги. У театра Солодовникова на огромной розовой афише он пять минут читал крупно написанное слово "Пре-да-тель", вместо "Кармен". Тверскую Адольф обошел. Там был переулочек с зловещим тупиком, хорошо знакомый каждому революционеру. И самое название переулочка – Гнездниковский – в этот день звучало змеиным затаенным укусом предательства и ядом.

На Никитском бульваре Адольф присел на скамью и закрылся "Русскими Ведомостями". Мысль его безнадежно кружилась по заколдованному кругу.

"...арест Сергея, обыск у Наташи, предательство... Кто?"
Ответа не было. И было страшно.

Господин в золотых очках и котелке слишком внимательно посмотрел на Адольфа как раз в тот момент, когда Адольф выглянул из газеты. Адольф поймал этот взгляд, и мураши скатились от затылка за воротник, по спине. Хитрые глаза из-под золотых очков проникли глубоко внутрь и,

казалось, нащупали как раз то, что тщательнее всего было спрятано. Стараясь казаться беспечным, но чувствуя, как ноги просятся бежать вдоль по бульвару, Адольф встал. Сердце колотилось как у пойманного воробья. Медленными, неторопливыми шагами он пошел в сторону, противоположную той, куда шел господин в золотых очках.

– Сейчас повернет за мной... Шпик!.. – Адольф едва удерживался от того, чтобы не обернуться. Почувствовал вдруг в желудке проглоченную у Наташи записку Сергея, будто это была не микроскопическая бумажка, а булыжник из мостовой. Ноги не слушали увещаний старого подпольщика и срывались, готовые улететь и бросить на произвол судьбы туловище и сдерживающую их кучерявую голову конспиратора.

В таких случаях всегда развязывается шнурок у ботинок... Адольф остановился и, нагнувшись, скосил назад выпуклые глаза. Золотых очков не было, но как раз напротив торчали два подлых, рыжих глаза субъекта в коричневом костюме. Здесь ошибки не могло быть.

Адольф бегом спустился с бульвара и вскочил в проходивший трамвай. Субъект в коричневом, улыбаясь, помахал ему рукой, когда он выглянул из трамвая.

На квартиру к себе Адольф попал лишь поздно вечером. Хозяйка передала ему записку, оставленную солидным господином с бородавкой.

Макс писал:

"Мне сегодня нездоровится. Загляните к Наташе". Слово "нездоровится" было подчеркнуто. Но и без этого было понятно: и у Макса был обыск.

Квартира Макса была самой надежной квартирой. Ее и Макса берегли.

Адольф остро почувствовал, как над ним опускается неведомая и неотвратимая рука. Он сел на кровать, как был, в кепке, с запиханными во все карманы газетами, и закрыл руками лицо.

– Кто?..

V

Адольф, маленький, выпуклый, странно напоминавший кепку с пуговкой на макушке, катался по комнате и брызгал торопливыми страстными фразами. Он всегда горячился и в обсуждение даже простых вопросов всегда вносил страстность.

– Так дальше продолжаться не может. Не мо-же-ет! Ждать, когда нас всех пересажаяют? Вы этого хотите? А вы? Я тоже не хо-чу! Вы знаете, что и сюда я шел с таким же чувством, как мышь в мышеловку. Я переменял трех извозчиков, шесть трамваев, пять верст пешком исколесил, прежде чем попасть сюда. Где гарантия, что за мной, за вами, за нами нет слежки? Так не-во-змо-жно!!

Вениамин Аполлонович с бесстрастным лицом крутил светлый кустик волос под губой. Молчала и Наташа. Адольф поминутно останавливался перед ними и выбрасывал вперед руку, будто у него в горсти были зажаты эти страстные, прыгающие слова.

– Я спрашиваю вас, товарищи, – чем объяснить эти провалы? Чем? Шесть провалов на протяжении двух недель! Арест Сергея, обыск у вас, у Наташи, провал дачи в Кускове!? Что это, то-ва-ри-щи-и?! Это – про-во-ка-ция! Это значит – в организации есть пре-да-тель.

– Какие же выводы? – глухо спросил Вениамин Аполло-

НОВИЧ.

– Выводы? Выводы? – вскрикнул Адольф и описал по комнате полукруг. – Выводы? Извольте! Я настаиваю на временном роспуске организации.

Вениамин Аполлонович нахмурился. Адольф заметил это и закипел.

– Что? Что вы хотите этим сказать? – обрушился он на него. – Вы не согласны! Да? Не согласны? Тогда, тогда...

Адольф перевел дух, посмотрел на Наташу...

– Тогда я заявляю о своем выходе из комитета!!! Я не могу работать в такой атмосфере. Я не желаю играть в круглого идиота.

"Идиот" Адольф произносит как "идиет".

Мелкие капельки пота выступили на его круглом лице. Он изнеможенно упал на диван и уставился в потолок, всем своим видом показывая, что больше говорить не о чем и что для него – все кончено. Правая нога его выбивала мелкую дробь по паркету, и в такт ей крутились большие пальцы рук, один вокруг другого.

Вениамин Аполлонович кашлянул.

– Я считаю ваше заявление, товарищ Адольф, недостойным члена комитета и старого партийного работника.

Адольф подпрыгнул с дивана, как пущенная ракета.

– А я считаю преступным продолжать работу, когда в организации есть невыявленное предательство! – выкрикнул он.

Наташа встала и взяла Адольфа за локоть. Адольф яростно повернулся к ней, готовый к отпору.

– А я? А Макс? – тихо сказала Наташа, глядя ему в глаза. – Вы не один в комитете! Голубчик Адольф, так нельзя!..

Как укрощенный дикарь, Адольф скомкался и стих, взъерошил африканские волосы и снова мрачно уселся на диван, дергая то плечом, то ногой и громко сопя, что у него всегда было признаком большой взволнованности.

– Я вчера вот, – Наташа достала из сумочки исписанные мелко листки бумаги и протянула их Адольфу, – получила письмо из Орловского централа. Прочтите! Там товарищи кончают самоубийством от пыток и издевательства, а мы хотим здесь отойти от работы... Распустить организацию? Но сердцу-то не прикажешь: не бейся!

Наташа остановилась у дивана против Адольфа, быстро пробежавшего исписанные листки.

– Нельзя так, милый Адольф!

– Но что, что же делать?! – с надрывом воскликнул Адольф, комкая прочитанное письмо, и повернулся к Вениамину Аполлоновичу, сидевшему за столом. Туда же повернулась и Наташа.

Сгорбленный сидел Вениамин Аполлонович и постаревший. Карандаш в руке у него мелко вздрагивал, и смешно вис книзу правый ус. Он молчал, сосредоточенный и упорный в каких-то думах.

– Чем объяснить, например, арест Сергея? – спокойнее

заговорил Адольф. – Вся обстановка ареста говорит о несомненном предательстве. Охранка знала о поездке Сергея. Она ждала его. Сергей достаточно опытен, он утверждает, что его выдали!.. Ведь кроме нас – никто не знал об этой поездке?!

Вениамин Аполлонович передвинул к Адольфу медленные, внимательные глаза.

– Что вы? – спросил Адольф.

– Продолжайте, продолжайте! – тихо сказал Вениамин Аполлонович, передвигая глаза на Наташу и как бы приглашая ее особенно внимательно слушать.

– Если предположить, что его выследили в Нижнем, тогда почему его не арестовали там же? Да я не допускаю, чтобы Сергей мог не заметить слежки! Затем – дача в Кускове? И здесь все говорит за то, что охранка была информирована человеком знающим. Почему сразу же бросились в сарай, где хранился станок, оружие? А квартира на Долгоруковской?! Наконец, эти обыски у вас! Вашей квартиры почти никто не посещал, кроме меня и Наташи...

Наташа, неслышно ходившая взад и вперед по комнате, вдруг остановилась, взглянула на Вениамина Аполлоновича и, словно отгоняя что, тряхнула головой.

– О поездке Сергея знал еще один человек, – глухо проговорил Вениамин Аполлонович и посмотрел по очереди на Адольфа и Наташу; после его слов молчанье натянулось до последнего предела, до жгучей близости бритвы, пристав-

ленной к открытому горлу. Обломок карандаша в руке у него прохрипел по бумаге и зарылся в нее, прорвав страницу книги. Адольф весь напряженно устремился к столу, к сломанному карандашу, к тонкому, готовому шевельнуться рту Вениамина Аполлоновича. Но Наташа предупредила:

– Ни-ко-лай?!

Вениамин Аполлонович горько наклонил голову. Некоторое время все трое молчали. Первый заговорил Вениамин Аполлонович. Он подробно рассказал о своей встрече с Николаем и, кропотливо разобравшись во всех обысках и арестах, имевших место после приезда Николая, установил простой и страшный в своей простоте факт: проваливались только те квартиры, где побывал Николай.

– Тяжело и страшно высказывать подозрение, – заканчивая, говорил Вениамин Аполлонович, – но перед нами вопрос о жизни организации. Вот почему я беру на себя ответственность...

Адольф глядел в раскрытое окно, но его курчавый, упрямый затылок напряженно слушал каждое слово за спиной. Наташа, скорбная, сидела у стола, Все, что говорил Вениамин Аполлонович, она знала, но она знала и что-то другое, не укладывавшееся ни в какие факты и логику.

– А я не верю, – сказала она, когда Вениамин Аполлонович кончил, – не могу верить. Как хотите, но вот... не верю! Как вспомню его, и не верю.

– Я ничего не утверждаю, – заметил Вениамин Аполлоно-

вич строго, – от подозрения до утверждения далеко.

– А вы, Макс, верите? – посмотрела на него Наташа. – Нутром верите?

Вениамин Аполлонович взялся за голову.

– Ах, Наташа! Нет, конечно, нет! Сердце протестует, но факты, факты!.. Чем опровергнуть их? Чем? Вспомните Клавдию Полякову. Разве кто-нибудь из нас, хотя бы на миг, мог допустить, чтобы эта милая, тихая Клавдия – и вдруг со-трудница охраны?! Никто. Разве вы допускали?..

– Нет.

– Вот видите! Никто не допускал, а на деле оказалось – эта милая Клаша – злостная, расчетливая предательница... И сколько народу из-за нее пропало – страшно подумать! Нет, тысячу раз нет! – шлепнул он по столу ладонью. – Поменьше сердца в таких делах, побольше трезвого, жестокого разума и логики! Логика неумолима, Наташа!

Адольф круто повернулся:

– Надо, товарищи, проверить это, проверить его! Ошибка здесь недопустима! Надо проверить.

У Наташи были благодарные глаза, когда она посмотрела на него. Вениамин Аполлонович перебил Адольфа коротким:

– Как?

– У меня есть знакомая семья в Салтыковке. Никакого отношения к революционным организациям не имеет, люди чистые во всех отношениях. Пошлем его туда... Скажем,

что там склад оружия. Предлагаю намекнуть ему в разговоре, что оружие хранится в кладовой. У них есть кладовая... Понимаете? Если он провок, – он выдаст. Можно даже упомянуть, что оружие должно быть скоро перевезено оттуда, тогда он непременно поторопится донести куда следует...

– Вряд ли он попадет на эту удочку, – покачал головой Вениамин Аполлонович, – хотя... попробовать можно! Вы что скажете, Наташа?

– Я согласна. Так или иначе, но что-то надо предпринять.

– Я сейчас же отсюда поеду в Салтыковку, – сказал Адольф, – если это не даст результатов, попробую организовать за ним слежку...

– А согласятся ли на такой эксперимент ваши знакомые? – спросил Вениамин Аполлонович. – Обыск – удовольствие не из приятных! Кто они?

– Совершенно мирные обыватели, милые люди, и только! Они согласятся, я уверен. Да вы их немного должны знать, Макс! Помните, мы как-то с вами заходили в один дом по Тихоновской улице? Прошлым летом?

– Н-нет! – припоминая, не припомнил Вениамин Аполлонович и встал, смотря на часы.

– Пора расходиться! Кто первый выйдет? Вы, Адольф? Ну, пожелаем успеха нашему плану. Берегите себя, друзья, на наших плечах слишком, слишком много! А вы, Наташа, – задержал он руку Наташи в своей, – не забывайте примера Клавдии Поляковой. Не всегда сердце говорит правду.

Я знаю, душой понимаю, как тяжело вам... Но и мне ведь нелегко, Наташа, милая!...

Голос Вениамина Аполлоновича дрогнул. Он повернул Наташу за плечи к двери.

– Идите, идите!

VI

Адольф с заседания комитета поехал в Салтыковку, а через два часа уже звонил у двери Наташи.

– Все сделано. Я из Салтыковки, там – согласны. Завтра, или даже сегодня посылайте его туда с каким-нибудь поручением. Не забудьте – дайте ему понять, где спрятано оружие... Если там будет обыск, я просил известить об этом вас... До свидания, я пойду к себе! Вы сказали, что сегодня он должен зайти ко мне – я хочу перебраться в другое место.

Наташа задержала Адольфа.

– Голубчик Адольф, скажите мне... Вы верите, что Николай предатель?

– Не знаю. Вот увидим! – уклонился Адольф, хмурясь, и решительно повернулся к двери.

– Подождите, минуточку... А что, если бы такие же факты сложились против меня, вы бы поверили, что я?... – Наташа не договорила. Серьезно смотрела Адольфу в глаза.

Адольф дернул плечом и засопел.

– Поверили бы?

– Этого... не может быть! – пробормотал Адольф.

– Почему?

– Не может быть!

– Но почему?!

Адольф посмотрел на Наташу с таким видом, будто на

миг допустил, что перед ним стоит предательница. И тряхнул упрямой, курчавой головой.

– Тогда и я... провокатор! – неожиданно заключил он и поспешно добавил: – Вообще я принципиально на такие вопросы отвечать не желаю! Глупо! До свидания!..

Адольф жил в одном из переулков около храма Христа. Он снимал комнату у старой чиновницы, служившей сиделницей в винной лавке. Квартира помещалась во втором этаже, над лавкой. Пелагея Ивановна, одинокая и бездетная, была привязана к своему жильцу, как мать. По паспорту Адольф значился крестьянином Калужской губернии, Петром Петровичем Крапивиным. Пелагея Ивановна за чаепитием иногда говорила, поглядывая подслеповатыми глазами на курчавую, черную, как тушь, голову жильца:

– В вас, Петр Петрович, только смиренность одна калужская, а кроме ничего!

В молитвах перед сном каялась Пелагея Ивановна и не скрывала своего расположения и особой, чувствительной жалости к революционерам. И как-то раз (давно было это), заметив беспокойство жильца, выбегавшего к двери на каждый звонок, Пелагея Ивановна всунула в приотворенную дверь его комнаты голову и значительно кашлянула.

– Вы бы, Петр Петрович, для спокойствия дали мне сверточек-то! – шепотком проговорила она.

– Какой сверточек? – вспыхнул Адольф.

– Который позавчера принесли... Он у вас под кроватью.

Дайте его мне, я снесу вниз, в склад... Кому придет в голову там рыться?!

И с тех пор, частенько, в беспокойные дни, Пелагея Ивановна принимала из рук Адольфа свертки и прятала их в складе, где стояли ящики с водкой и пустой посудой.

Вернувшись к себе, Адольф первым делом предупредил Пелагею Ивановну о своем намерении переменить квартиру. Пелагея Ивановна расстроилась и даже обиделась.

– Сколько времени душа в душу жили... Не понравилась, видно, я вам напоследок?..

Адольф всячески старался ее разуверить, но старушка в ответ лишь покачивала головой, и на глазах у нее были слезы.

– Чего уж, не по нраву пришлась! Бог вам простит, а я против вас ничего не имею, кроме жалости... Когда оставлять-то меня хотите?

Адольф, узнавши от Наташи, что Николай знает его адрес, твердо, тогда же, решил немедленно переменить комнату. И даже сообщил Максу свой новый адрес – одного знакомого врача, где временно думал устроиться. Но теперь, глядя на опечаленную и расстроенную Пелагею Ивановну, он заколебался и на вопрос ее ничего не ответил.

– Когда-нибудь, Пелагея Ивановна, вы все узнаете! – говорил он, проходя к себе в комнату. – Я тоже привык к вам, мне тоже очень не хочется с вами расставаться. Я вас очень люблю, Пелагея Ивановна!..

– Какая уж тут любовь?! – приговаривала Пелагея Ивановна, идя следом за ним. – Вам, молодым, не до нас, старых. Какая уж тут любовь?! А сердце-то мое чует – не к добру это. Нонче к вам заходил молодой человек, забыла совсем, из ума вон!

Адольф встревожился.

– Когда заходил? Какой он из себя? Что он говорил? Он в комнату входил?

– Что вы, что вы, Петр Петрович, как же это можно чужого человека в комнату впустить? Разве я не знаю! Что вы? Рыженький такой, из себя несимпатичный. Все допытывался, когда вы дома бываете...

Адольф сел у окна, выходявшего в переулок. Золотой огромный купол храма Христа казался близким-близким. Снизу, из Замоскворечья и с моста, доходили звонки трамваев и глухой гул. На улицах зажигались фонари. Пелагея Ивановна принесла самовар и подогретый ужин.

Адольф ел много, долго и жадно. А когда наелся, ощутил во всем теле приятную усталость и прилег на диван. Он уснул почти мгновенно; последняя мысль его была: не заснуть бы!

Проснулся за полночь.

Посмотрел на часы, на кровать, на пустую сковороду из-под жаркого и стал раздеваться, твердо решив завтра оставить комнату.

– Сегодня ночью ничего не может быть... Если он провокатор – сегодня ему не до меня, в Салтыковку двинутся ис-

кать оружие.

В окно, выходящее во двор, залитый асфальтом, вошел сдержанный топот ног нескольких человек. Адольф погасил огонь и высунулся в окно. Двор был проходной: одними воротами – в переулок, другими – на Волхонку. Оттуда, со стороны Волхонки, озаряемые слабым светом фонаря во дворе, шли люди гуськом. Впереди серая шинель пристава.

– Обыск?!

Натягивая пиджак, Адольф выбежал из комнаты.

– Пелагея Ивановна, обыск! – сдавленно крикнул он в дверь хозяйки. – Подождите открывать. Подождите! Я вниз, в лавку...

Торопливо вырывая из записной книжки листки, Адольф совал их в рот, давился ими и глотал.

В кухне, в полу была дверка и лестница вниз, в винную лавку. Запасный выход склада выходил во двор. Дверь заперлась на крюк с внутренней стороны. Адольф скатился вниз, как мяч, и застыл у двери, прислушиваясь.

Голос Пелагеи Ивановны спрашивал наверху:

– Кто?

Что ей отвечали – слышно не было.

– Сейчас, сейчас, – говорила Пелагея Ивановна, – я раздевая. Сейчас открою!

Настойчивый звонок снова забился по квартире, над головой Адольфа. Он слышал, как звякнул замок; слышал тяжелые шаги вверху, справа, где была его комната; бесшум-

но снял крюк и осторожно нажал дверь, боясь, чтобы она не скрипнула.

"По Лебяжьему переулку, к Румянцевскому музею, там извозчики, иногда лихачи..." – торопливо закружилась мысль.

Нахлобучив кепку, он шагнул вперед, через порот, прямо в объятия городского.

– Сто-ой!

Откуда-то из-за выступа дома отделилась темная фигура и повисла на левой руке Адольфа, с испуганным и пронзительным визгом:

– Держи-и!!!

День Адольфа кончился.

VII

В ночь с четверга на пятницу – Адольф был арестован; в среду – к дому № 8 на Тихоновской улице подходил усиленный наряд полиции. Шли боковой дорожкой, в тени сосен, почти незаметными, сливающимися с деревьями, темными призраками. Впереди двое тихо разговаривали – пристав и человек в штатском. С Сокольнического круга разбегались последние звуки оркестра.

Человек в штатском говорил, понижая голос до шепота:

– Придется оцепить кругом. Во дворе есть кладовая аль сарай. Там главное надо. Улов должен быть!

– Ул-о-ов!! – передразнил злобно пристав. – Залепят в лоб из маузера, вот и... поймаешь!

Он зябко повел плечами и замедлил шаги.

– Н-н-ничего, Иван Филиппыч, н-н-не зал... не залепят, Иван Филиппыч! – заикаясь, торопливо стал его успокаивать штатский, и голос у него вдруг осел и засипел, как сырое полено. – Не залепят, Иван Филиппыч, бог не без милости, Иван Филиппыч!..

– Какой тут бог?! – раздраженно оборвал его пристав. – Он, что ль, сидит в браунингах? На прошлой неделе, в Суцевском, пошел вот так же Климов...

Пристав глотнул недосказанное.

– А я, Иван Филиппыч, я завсегда на такой несчастный

случай, когда, скажем, подходишь примерно к двери, за каковой должно укрываться преступное лицо, я, Иван Филиппыч, завсегда следую указаниям военной хитрости... Стукнешь, телеграммка, скажем, или что там еще выдумаешь... Стукнешь, а сам этим моментом в сторонку от двери, или присядешь на корячках. Так что случается, бахнет через дверь, а я цел и невредим, без всякого повреждения!

– Капаюк! – подозвал пристав одного из городских. – Возьми четверых к воротам. Двоих оставишь у дверей. Двоих по сторонам, на дороге поставь. Если увидишь – бегут и на оклик не остановятся – стрелять! Понял?

– Так точно, ваше в-дие! – громко бухнул городской.

– Т-sss! – иступленно зашипел пристав. – Осел! Скотина! Эфиоп! Тише! Слушай... Двор оцепить с соседних владений по трое. Да не зевать! Смотри у меня! Сгною. Понял?

– Так точно! Никак нет! – сразу на все ответил Капаюк и, отставая, стал подтягивать в кучу наряд.

Терраса одной из дач, затянутая парусиной, была освещена. По парусине передвигались огромные тени; тихий звон посуды доносился оттуда; слышались голоса:

– Малый в трехах.

– Пасс!

– Пасс!

Пристав покосился туда и вздохнул:

– Вот живут же люди, как подобает!.. Эх!.. Служба, будь она треклята. Дали б им, чертям, конституцию эту, или это

самое учредительное собрание... бомбы только не позволять делать, да оружие отобрать...

– Никак это невозможно, Иван Филиппыч! – помолчав, вздохнул штатский, – тогда у нас с вами никакого отечества не может быть! Оплот престола и верноподданнические чувства должны погибнуть втуне, Иван Филиппыч...

Не доходя дома № 8, остановились. Пристав переложил браунинг в карман шинели. Капаюк отдавал тихие приказания и, когда темные фигуры бесшумно рассыпались по назначенным местам, подошел к приставу.

– Так точно, ваше в-дие, готово!

Пристав всмотрелся в темную дачу впереди и, торопливо перекрестившись, повернулся к штатскому, приглашая вперед:

– Ну?

Штатский попятился.

– Уж вам, Иван Филиппыч, вы уж первый! Вам уж... Я уж за вами, Иван Филиппыч! Вы уж как начальник... Можно даже сказать, вроде главнокомандующего. Уж вы вперед!

– Тьфу! – свирепо отплюнулся пристав. Молча поправил лаковый пояс и пошел решительно вперед, крикнув: – Капаюк, за мной!

– Здеся, ваше в-дие!

Капаюк с винтовкой выдвинулся вперед, открыл калитку и, все ускоряя шаги, застучал сапожищами по ступенькам террасы.

VIII

На узком листке бумаги Николай что-то писал мелким убористым почерком, когда вошла Наташа. Толстый том Олара "История Французской Революции" лежал перед ним на столе, раскрытый. Смутившись, Николай торопливо спрятал узкий листок в карман пиджака.

– Что это вы, конспект составляете? – спросила Наташа. Ее глаза пытливо устремились к карману, куда Николай спрятал бумажку.

– Нет, это я так писал! – смутился еще более Николай и, густо покраснев, отвернулся. – Я вас совсем не ждал, хотите чаю?

Лицо Наташи закрывала густая вуаль. Она не подняла ее; присела у стола и, придвинув том Олара, начала медленно его перелистывать.

– Очень хорошая книга! – сказал Николай. – Может быть, вы чаю хотите?

– Нет-нет, я тороплюсь, – отклонила Наташа, – я к вам на минутку.

За стеной в соседней комнате старческий голос, добрый и ровный, ворчал:

– Озорник ты мой, непослушный-ый! Опять выпачкался весь, трубочист ты эдакий!.. Вот возьму хворостинку да чик-чик-чик! Не хочешь?!

– Это моя хозяйка с Марсиком... Кот у нее, Марсик, – пояснил с улыбкой Николай прислушивавшейся Наташе. Наташа тоже улыбнулась, но, словно спохватившись, схоронила улыбку – серьезная, строгая, посмотрела на Николая.

– Завтра надо поехать в Салтыковку, – заговорила она, быстро перелистывая страницы книги вздрагивающими бледными пальцами, – там у нас на даче есть оружие, литература и еще кое-что. Надо все это перебросить в другое место. Вы знаете товарища Семена? Нет?

Николай слушал с сосредоточенным вниманием.

– Он будет ждать вас там, на платформе, на скамье. В руках у него будет газета "Утро России". Запомните? Вы подойдете и попросите прикурить. Он с папироской будет... Он спросит: "Который час?" С ним вы пойдете на дачу и сможете.

– Товарищ Семен, "Утро России", папироса, который час, – повторил Николай.

– Да, да!

– Салтыковка?

– Да.

На окне лежала недоеденная колбаса и ватрушка, над постелью портрет Лассаля, пришпиленный кнопками, и Писарева – в черной рамке; стопочка книг на самодельной полке из дощечки и веревочек; а на спинке узкой кровати деревенское, из холста, полотенце с вышитым красным петухом.

– А что, у вас мама есть? – спросила Наташа.

Николай покачал головой.

– Умерла?

– Да, и папа и мама...

Николай, заметив, что взгляд Наташи остановился на расстегнутом вороте его рубахи, торопливо застегнул высокий черный воротник на все три белые пуговики.

– А когда мне ехать туда? – спросил он.

– С поездом в десять тридцать.

– Я могу и раньше! Я ведь очень рано встаю!

– Почему?

– Я привык. И я очень люблю утро! Когда я просплю, мне все кажется грязным, старым...

– Семен будет ждать вас там к одиннадцати, – перебила Наташа, внимательно смотря на него. Ее взгляд был странный: так смотрят на вещи, и так смотрит человек, когда он один.

И опять добрый старческий голос вошел в комнату через стену:

– Не будешь больше? Нет? Смотри, какой ты у меня чи-истенький, беленький, как снежок!.. Скоро кушать будем, молочко будем пить!.. Ах ты, м-мой...

Слова зарылись в пушистый поцелуй.

Наташа посмотрела на стену, откуда доходил этот ласковый, певучий голос, и, повернувшись к Николаю, тихо проговорила:

– Николай, слушайте... Скажите... скажите мне одной...

Николай вдруг и весь насторожился и впился глазами в лицо под густой вуалью.

– Что-о?

Наташа захлопнула книгу. У Клавдии Поляковой было лицо с такими же невинными глазами и большим ртом...

– Вы не перепутаете, что я вам сказала? – договорила она, вставая. – Не забудьте, поезд в десять тридцать, Салтыковка, товарищ Семен...

– "Утро России", прикурить, который час! – с улыбкой закончил Николай. – У меня память отличная. Все будет сделано в точности. Разве я когда-нибудь что-либо напутал?

– Н-нет!

– А после зайти к вам? – спросил Николай.

– После?..

– Когда все сделаем? – пояснил Николай.

– Да, да! Конечно, конечно! – поспешно проговорила Наташа.

– Во сколько зайти?

– Когда хотите!

– Вечером, часов в восемь, в девять, хорошо?

– Да, да! До свидания!

Наташа торопливо застучала каблучками по крутой лестнице.

– Осторожно! – вслед ей кричал Николай, стоя на площадке и перегнувшись через перила. – Лестница у меня гадкая, не упадите, до свидания! До завтра!

Наташа не оглянулась. Не ответила.

В раскрывшуюся парадную дверь ворвалась шумная, грохочущая улица. Николай улыбался, стоя на площадке, и долго глядел вниз, где скрылась Наташа.

IX

Ветер неслышно шевелил и передвигал по деревянной платформе осенние листья. Листья были блеклые, нежные, еще не совсем утратившие зелень, и от ветра казались живыми. Прозрачная грусть осени озаряла все предметы и лица особенным, чистым светом, небо было глубоко и просторно и дышало свежестью, как голубой огромный водоем.

На одной из скамеек сидел человек и читал "Утро России". Он часто посматривал в сторону Москвы, откуда должен был прийти поезд. На нем было непромокаемое пальто с поднятым воротником. Окурки усеивали платформу у его ног. Он жег одну папиросу за другой. Взад и вперед мимо него бродили одиноко осенние дачники. Газетчик несколько раз предложил ему журнал. Когда вдали показался поезд, человек в непромокаемом пальто вдруг ужасно заторопился; скомкал газету и сунул ее в пальто; потом быстро пересек платформу, пути и очутился на другой платформе — для поездов, идущих в Москву. Застегнув пальто и вздернув плечи, отчего лицо его ушло еще глубже в поднятый воротник, он отошел в конец платформы и стал смотреть в сторону, обратную той, откуда подкатывал поезд. Как сковорода с маслом, шипящий паровоз прополз мимо, разделил вагонами две платформы, постоял, свистнул и потащил дальше темно-зеленые коробки. Среди немногочисленных пассажи-

ров, вылезших из поезда, был Николай. Он быстро и весело прошел платформу из одного конца в другой, от скамьи к скамье, и, удивленный, осмотрелся. Взглянул на часы. И еще раз, но уже медленнее, пошел вдоль платформы, мимо скамеек. Увидя на другой стороне неподвижную фигуру в непромокаемом пальто, Николай нерешительно пересек линию, направляясь туда. Человек в непромокаемом пальто, стоявший к нему спиной, оглянулся как раз в тот момент, когда Николай подходил к нему. Две пары глаз встретились. Человек в непромокаемом пальто зашагал от Николая. Николай догнал его. Обходя справа, бросил взгляд на карман пальто, откуда торчала газета "Утро Ро...". На поднятом воротнике заметил две металлические кнопки. Торопливо достав папиросу и неумело вставив ее между указательным и средним пальцами, Николай повернулся к человеку в непромокаемом пальто:

– Позвольте прикурить!

И еще раз две пары глаз встретились. Человек в непромокаемом пальто сунул вперед свою папироску и хотел пройти дальше, и уже сделал несколько шагов от изумленного Николая, но вдруг резко повернулся и спросил!

– Который час?

– У-уф! – вздохнул облегченно Николай. – Вы товарищ Семен? Я Николай, от Наташи.

Пожали друг другу руки. Николай всмотрелся в лицо Семена и наморщился, что-то припоминая. Семен глядел в сто-

рону, внимательно рассматривая рельсы.

– Сядем на минутку! – предложил Николай. На скамье он еще раз всмотрелся в Семена и зажмурился.

– Я никогда вас не видал, но я вас знаю, – заговорил он тихо, не открывая глаз. – Вот и пальто это припоминаю, и кнопки на воротнике...

Николай был одет в ту же черную с тремя белыми пуговицами рубаху, как и вчера, когда пришла к нему Наташа.

Семен, украдкой рассматривая Николая, ежился будто от сырости и был не в силах подавить охватившую его мелкую дрожь. Она напознала от этой близости с Николаем, сидевшим рядом, плечом к плечу, и мелко трясла ноги, руки и песком поскрипывала на стиснутых зубах.

– Я вчера был в опере, – громко сказал Семен, – у моей хозяйки сын в оркестре...

Говоря это, он ладонями крепко накрыл дрожь острых колен своих. На левой руке у него не хватало одного пальца. Николай заметил это и спросил:

– Что это у вас? Вы...

Семен перехватил взгляд голубых глаз, устремленных к его дрожащим коленам, и плотно сжал их; потом попытался натянуть на них полы непромокаемого пальто, но тут же порывисто встал. Не глядя на Николая, выговорил тихо и твердо:

– Идем!

– Далеко идти? – спросил Николай.

– Во-он туда! – указал Семен на сосновый бор за полотном дороги. – Там нас ждет еще один товарищ. Вставайте!

В лесу к Семену и Николаю присоединился Ваня – крепкий, коренастый рабочий в рыжем картузе и стеганом пиджаке. Он молча поздоровался с Николаем за руку. Шли все трое, рядом, по мягко шелестевшей листве и хвое. Пахло прелью и рекой. Около большого пруда Семен свернул с дороги в лес.

– Тут короче! – коротко пояснил он.

В лесу было так тихо, как бывает только осенью, когда слышен шорох падающей ветки. Не было птиц. Сосновый бор напоминал пустой покинутый жильцами и огромный дом. Николай оживленно рассказывал о лесах в Нижегородской губернии и, останавливаясь, запрокидывал голову, любуясь глубокими, голубыми колодцами неба в просветах вершин.

– Как сла-авно! Смотрите! Далеко еще нам?!

– Нет, скоро! – односложно отвечал Семен и раза два выразительно посмотрел на Ваню.

– Здесь и дач-то нет!

– Там дальше будут.

Семен замедлил шаги.

– Я закурить хочу. Ваня, хочешь?

– А я нарочно купил десяток "Дюшес", – остановился и Николай, – я ведь не курю! Наташа сказала, чтоб я попросил у вас прикурить, вот я и купил. Хотите? Возьмите, пожалуй-

ста, себе! Возьмите, мне же не надо!

Он протянул желтую коробочку папирос Семену.

– Не надо. Идите, идите! – странным голосом сказал Семен и изменился в лице. – Идите вперед, я... сейчас.

И лишь только Николай повернулся, Семен дернул из кармана браунинг и торопливо выстрелил ему в спину.

– А-ах! – остро и удивленно вскрикнул Николай, повертываясь. Правая нога у него высоко вскинулась при повороте. Какое-то мгновение он казался гимнастом, застывшим на одной ноге, перед тем как сделать замысловатый трюк. Его светлые с просинью, безумно раскрытые глаза остановились на лице Семена, и был ужас глаз этих огромен. Семен и Ваня почти одновременно выстрелили еще раз, не целясь, в эти глаза.

Желтая коробочка с папиросами "Дюшес" описала полукруг, выскользнула из распутившихся пальцев, и упала у ног Семена.

Николай уткнулся лицом в желтую, влажную листву, выпрямляя ноги в заплатанных ботинках.

X

Когда в сумерках, рассеиваемых светом зажженных в улице фонарей, вздрогнул и забился, как пойманная птица, звонок, у Наташи вырвалось дрожащее и изумленное:

– А-а-а...

Звонок повторился настойчивый и резкий.

В комнату прошел, тяжело ступая, Семен. И стал посредине. Свет уличного фонаря падал на его лицо. Наташа подошла к нему близко-близко. Его лицо и глаза сказали ей все. Наташа ничего не спросила. Семен молчал. Молча протянул Наташе листок бумаги, исписанный наполовину мелким, убористым почерком. Наташа зажгла лампочку, и дрожали у нее руки, разворачивая бумажку...

Николай не дописал письма "миленькой сестрице Лизаньке". Не дописал о Москве и новых товарищах, среди которых есть прекрасная женщина, ради которой он готов на самую страшную жертву...

"...у нее в глазах такое же чистое и бездонное небо, как в поле, когда лежишь на спине во ржи. Ее зовут Наташа, она..."

Здесь письмо обрывалось. Здесь пришла к нему, в его маленькую комнату с недоеденной колбасой и ватрушкой, прекрасная женщина с чистыми, как небо, глазами; пришла Наташа, чтобы дать ему последнее поручение.

Наташа ладонью разгладила скомканный лист бумаги, с темным пятном на одном из углов... И шепотом спросила Семена:

– Ты читал?

Семен ничего не ответил. Мотнул головой и остался так же стоять, выпрямленный, деревянный. Большой рот его резко обозначался на худом лице, и – казалось – губы были сжаты страшной силой и не разомкнутся никогда. Лишь изредка смешно подпрыгивала левая бровь.

Наташа провела рукой по лбу. Упорно Семен смотрел на нее. Она села у стола и долго, бережно разглаживала узкую полоску бумаги с темным пятном.

– Ты вынул это у него из кармана пиджака, из левого? – спросила Наташа и добавила тише. – Он положил его тогда в левый карман. Я вспомнила... Вчера это... Что ты смотришь так?

Неустрашимый, молчащий, стоял Семен перед Наташей. И еще раз Наташа провела по лбу рукой.

– Семен?

Семен был ее учеником. Она направляла первые шаги его в революционной работе. Семен молился на нее и был предан ей, как предан человек смерти – неотвратимо.

– Семен?..

Абажур лампы затенял его лицо – впадины и бугорки на нем обозначались резко, как на камне. И каменным был молчаливый, неподвижный рот – большой, грубый, прямой.

– Семен?.. – в третий раз проговорила Наташа и встала. Подошла близко к Семену, глядя на его замкнутый рот. Было слышно, как глубоко дышал он. Наташа положила ему на плечо легкую руку; потом тихо провела ладонью по взлохмаченной голове его и, отойдя к окну, выпрямилась там. Но почти мгновенно, словно крикнула улица что-то ей, она оторвалась от окна и в упор подошла к Семену.

– Семен, а что, если мы... ошиблись?.. – одним дыханием закончила она, кладя на плечо ему руку и страстно всматриваясь в остановленные на ней чужие, незнакомые глаза.

У Семена заклокотало в груди и в горле. Большой рот дернулся. Он снял руку Наташи с плеча и передвинулся от Наташи на один шаг. Потом еще и еще. К двери. С порога его глаза, холодные и злые, протянулись к Наташе.

– Я исполнил постановление комитета, – жестко проговорил он и два последних слова повторил еще раз.

Наташа съежилась. Зыбким стал пол. Похолодевшие пальцы заметались по воротничку блузки, и оторванная пуговица одиноко стукнулась о пол.

Медленно Наташа повторила:

– Да, да! Вы, товарищ, исполнили постановление комитета.

Хлопнула дверь, отрезая убегающие шаги Семена. Наташа была одна.

XI

В дежурную комнату вошла неслышно сестра и тихо позвала по имени врача, уткнувшегося в газету.

– Вас очень просит больной из четвертой хирургической...

Сбросив пенсне и потирая переносицу, доктор посмотрел на сестру, что-то припоминая, и быстро встал. Застегнул халат.

– Он очень плох, – проговорила сестра, – почти все время в забытии...

Доктор вскинул плечи и развел молча обеими руками, как бы говоря: "Мы с вами сделали все!" Сопровождаемый бесшумно ступавшей сестрой, он быстро прошел по коридору, через большую палату с двумя рядами коек и колоннами посередине, и осторожно открыл дверь в отдельную палату № 4.

На койке, укрытой светло-коричневым одеялом, лежал Николай. Забинтованная голова и шея сливались с подушкой, и повязка резко подчеркивала лихорадочно яркие глаза. Увидя доктора, он зашевелился, но доктор ласково остановил его:

– Тссс! Не волнуйтесь и лежите смирненько!

Сестра подала доктору стул. Он сел и взял руку Николая, нащупывая пульс. Николай закрыл глаза. Он дышал короткими неровными вздохами, и в груди зловеще похлопыва-

ло. Когда врач бережно опустил его руку на одеяло, Николай открыл глаза.

– Доктор... я с одним... с вами хочу... – прошептал он с усилием, размыкая бескровные губы с запекшейся в уголках кровью.

Сестра вышла и прикрыла за собой дверь.

Николай положил свою руку на руку доктора.

– Я умру скоро... умоляю вас... пошлите записку... Я не могу умереть так... Пошлите, она придет, она не может... умоляю, доктор...

Николай смолк, и бессильно опустили веки... Доктор нахмурился. Часы этого юноши, привезенного с тремя тяжелыми ранами в больницу, были сочтены. Ничто не могло спасти его. Кто он, кто его ранил? За что? – доктор не знал, но вся обстановка и его слова говорили о страшной, необычной драме.

– Дайте... бумагу... каран... даш, – зашептал опять Николай, – я не могу так... Обещайте мне, доктор! Я все, все скажу вам, она... расскажет...

Доктор вынул записную книжку и карандаш, сам вложил в прозрачные пальцы Николая.

С мучительными усилиями царапал карандаш по бумаге, выскальзывал и падал на одеяло. Два раза доктор подносил к губам Николая питье.

– Не уходите! – говорил доктор сестре, выходя из палаты. Запечатав записку в конверт, он немедленно отослал ее по

адресу с привратником.

Наташа приехала через полчаса вместе с привратником, проводившим ее в комнату дежурного врача. Врач встретил Наташу с хмурой сдержанностью и пригласил идти за ним. Испуганно озираясь на длинные ряды коек, с молчавшими на них фигурами больных, Наташа шла молча, ни о чем не спросив доктора. Перед дверью четвертой палаты врач остановился.

– Подождите здесь!

И несколько мгновений, пока он был в палате, легли в сознание Наташи тяжелыми пластами одной огромной жизни, которую не было сил изжить до конца... Длинный, мягко освещенный коридор уводил глаза к неведомой двери в конце. Было в нем тихо, и белые бесшумные фигуры сестер, изредка пересекавших его, оставляли после себя напоминание о чьих-то страданиях, боли, смертях. И каждая молчаливая дверь в нем говорила о том же, а все вместе – и тишина эта, и белые сестры, и запахи лекарств, и вся эта скорбь – уводили невольно мысль туда, где в молчаливом лесу крестов и памятников на могильных плитах лежат печальные надписи об отошедших в иной мир... "Вкушая, вкусих мало меду, се аз умираю..."

Доктор из двери сделал Наташе знак рукой, приглашая войти. Неуверенным порывом Наташа очутилась в палате.

Восковая, прозрачная рука была покорно и беспомощно вытянута по коричневому одеялу... Это первое, что увидела

Наташа.

Николай лежал, слегка запрокинув голову. И так как у него были закрыты глаза – белое лицо, марля на голове и подушка сливались в одно. Его измененное лицо показалось Наташе далеким-далеким, будто напоминание о другом, знакомом в живом Николае.

Подойдя к изголовью, Наташа всматривалась в это лицо и запоминала каждую складку и тень. Было тихо в палате; торопливо тикали часы в кармане у доктора.

Наташа позвала:

– Николай!

Николай открыл глаза и, глядя на Наташу, словно медленно узнавал ее. Ссохшиеся, темные губы шевельнулись и не могли разлепиться. Николай сделал какое-то последнее усилие, чтобы заговорить, и вдруг из уголков его глаз, устремленных к Наташе, выкатились две крупные, медленные слезы...

Одним слабым движением губ прошептал он что-то и опять был бессилен разлепить клейкие губы, которые уже целовала смерть. Закрылись глаза, и ресницы протянули чуть заметные тени.

Наташа упала лицом к холодной руке на одеяле; щекой слышала, как слабо шевельнулись пальцы...

XII

Вениамин Аполлонович, встревоженный, усадил Наташу в кресло. Ее бледное, без кровинки, лицо было жутко освещено лихорадочными глазами. Вениамин Аполлонович пристально всмотрелся и побледнел.

– Что с вами?!

Наташа протянула ему обрывок бумажки.

Разбегающимися буквами на клочке были нацарапаны крупные, разорванные слова:

"Меня убили... Кто меня убил? За что меня, товарищи, убили, скорее скажите, я умру, скорее скажите, мне страшно, за что же? Никого нету, приходите же скорее, в больнице умираю. Николай".

Вениамин Аполлонович впился глазами в лицо Наташи.

– Он умер?

Наташа наклонила голову и зарыдала.

– Я была в больнице... Ночью умер... Там врач – меньшевик, он прислал эту записку... Что, что мы сделали?! Боже мой! Я не могу!

– Товарищ Наташа! – строго сказал Вениамин Аполлонович. – Слышите, товарищ Наташа! Опомнитесь!

Его твердая и тяжелая рука легла на голову Наташи. Наташа порывисто вскинулась, сбрасывая руку.

– Вы понимаете, что это?! – шепотом, с безумными глаза-

ми, проговорила она. – Пони-ма-ете? Мы убийцы! Мы убили нашего то-ва-рища!

Проговорила и ждала, исступленная, острая, как боль ожога.

– Успокойтесь, Наташа, возьмите себя в руки. Записка не опровергает ничего: написать...

– Как?! – с выкриком выпрямилась Наташа. – Вы думаете, что эта записка – ложь, что он лжет в ней?!

– Успокойтесь! Я ничего не думаю. Я говорю, что эта записка не опровергает фактов. Обыск в Салтыковке – факт.

– Нельзя лгать перед смертью! – опять перебила его Наташа, и опять ровный глухой голос Вениамина Аполлоновича повторил:

– Успокойтесь... Вы утверждаете, что мы ошиблись? Пусть мы ошиблись. Я вас спрашиваю: во имя чего совершенна эта страшная ошибка? Отвечайте. И кто виноват? Вы? Я? Адольф? Нет, Наташа! Они-и!

Вениамин Аполлонович грозно вытянул руку к раскрытому окну.

– Они, Наташа, все те же наши враги, враги народа. Эта жертва на их чашу бесчисленных грехов и преступлений. И они заплатят нам за нее... А мы?! Мы подняли новую ношу на наши перегруженные плечи. Не согнуться бы, Наташа, родная, не ослабнуть бы, не попустить... Вот что нам остается. Не сломаться в этой борьбе... под этой ношей!.. А-а-х!!

Он хрустнул пальцами.

– Ведь мы-то должны продолжать наш путь, Наташа. Мы-то остались жить. А каково нам будет идти с таким... с этим страшным грузом?!

Наташа притихла. Она подумала о Семене.

Она ушла от Вениамина Аполлоновича поздно вечером. На груди под кофточкой уносила бережно сложенный обрывок бумаги, исписанный крупным почерком, – последнее письмо Николая. Ее красивое лицо было похоже на мертвое лицо затворницы. Строгий и молчаливый Вениамин Аполлонович проводил ее до двери и в дверях молча поцеловал в лоб.

С двумя полосками на серебряных погонах человек взглянул на часы, ударившие восемь раз, и взял телефонную трубку. Назвал номер коротко и повелительно и ждал, подпирая бровями оседавший на глаза большой, неумолимый лоб.

– Алло... Ну... что у вас хорошенького?

В трубке зашипело, кашлянуло, и голос глухой, ровный пополз оттуда:

– Чуть было не сорвалось, полковник...

Набирая на жесткий, окантованный воротник мундира складки шеи, человек в погонах наклонил голову и слушал, выразительно играя бровями.

Часы показывали десять минут девятого. Вениамин Аполлонович Гудим положил трубку и сел в кресло. На костлявое лицо вылезла странная улыбка и шевельнула волосатые уши.